

Алекс Сино

Шахматы Фаберже, или Гроссмейстер поневоле

Эту историю мне рассказал Фима Краснов из Нью-Йорка. К моменту нашего знакомства он уже был в преклонном возрасте, но всегда энергичен, аккуратен, подтянут и с иголки одет. Как и многие одесситы, Фима любил океанские круизы, часто ездил в Лас-Вегас, обедал с друзьями в хороших ресторанах центральной части Манхэттена, заказывал дорогие вина и с удовольствием платил за всю компанию. Жил он в Манхэттене в полукруглом доме с видом на Центральный парк. Словом, Фима выглядел успешным американцем, если бы не одна деталь. На кисти его руки синела самодельная татуировка в виде шахматного коня с буквами «К. Ф.», которые я принимал за Фимины инициалы, до тех пор пока не услышал его увлекательный рассказ.

В Одессе Фима заведовал скупкой в знаменитом «Пассаже». Чего он только не повидал за долгие годы работы в торговле! Обычную мишуру он продавал в своей скупке для выполнения производственного плана. Более интересные вещи уходили на одесский рынок – толчок, мелочовка шла на Староконный рынок. Ну а ценный товар Фима приберегал для себя. Он не брал в оборот ворованного и старался не иметь дела с золотыми монетами и антиквариатом. И не то чтобы он не уважал золотые цацки, просто за это светила совсем другая статья.

Его старый клиент, Александр Афанасьевич Изминский, иногда заносил Фиме приличные вещи. Семья Изминского жила в огромной коммунальной квартире на втором этаже старинного дома, когда-то принадлежавшего его деду. На чугунных воротах дома сохранился вычурный герб Изминских с буквами «А. И.».

а на побитых и грязных мраморных ступенях красовалась надпись на латыни – «Salve». Детей у Изминского было много. Запросы у них были, как у настоящих аристократов. А средств, увы, немного. Вот Александру Афанасьевичу и приходилось расставаться с фамильными вещами.

В тот день Изминский был явно смущен. В руках у него был небольшой потертый чемоданчик из коричневой кожи с позеленевшими бронзовыми замками.

– Ну что там у вас? – предчувствуя улов, строго спросил Фима.

– Вот, принес показать вам отцовскую вещь. Он недавно умер. Мне это уже ни к чему. А внуки мгновенно променяют память о деде на какие-нибудь «Жигули».

– Что это? – с нетерпением спросил Фима. – О чем речь?

Изминский не спеша открыл чемодан и достал небольшую, но явно тяжелую шахматную доску, сантиметров пятидесяти в длину, сделанную из белого камня вперемежку с благородным черным ониксом. Края доски были отделаны красным агатом. Внутри лежали два аккуратных мешочка, как показалось тогда Фиме, из куриной кожи. Это только через много лет он узнал, что именно так выглядит страусиная кожа. При виде драгоценной доски и куриных мешочков Фима от нехорошего предчувствия уронил очки. Александр Афанасьевич достал из мешка фигуру коня и молча передал ее Фиме. Конь был увесистый и приятный на ощупь, из черного оникса, в серебряной чеканной оправе с позолотой и рубиновыми глазами.

Как снайпер припадает к оптическому прицелу, так Фима молниеносно вставил в глаз ювелирную лупу и навел ее на пробу, которая четко виднелась на подошве фигуры. Это сейчас для выражения восторга кричат «вау!», а в 70-е годы прошлого века антиквары, выражая восторг, тихо стонали – это же «К. Ф.»! Заветные буквы вкупе с яйцевидным золотником, благородным дамским профилем и цифрами 84 не оставляли сомнений. В Фимины руки попали шахматы, сделанные «К. Ф.», то есть в мастерской Карла Фаберже.

– Фима, не сомневайтесь, – сказал Изминский, – все фигуры на месте, и они в идеальном состоянии.

– Откуда они у вас?

– Мой прадед заказал их у самого Фаберже. Он был заядлым шахматистом. Его сын, мой дед, делал большие успехи в шахматах и блестяще выступил в 1910 году на Южнорусском турнире в Одессе. В журнале «Шахматы» за 1911 год есть даже статья о нем. Дед подарил шахматы моему отцу, когда тому было лет восемь. Ребенок, получив такой подарок, проявил необыкновенные способности к шахматам и подавал большие надежды.

– И как развивалась его шахматная карьера?

– Увы... никак. После революции, как вы понимаете, любое упоминание о Фаберже могло стоить жизни. Доска с фигурами была замурована в одной из квартир нашего дома, где благополучно сохранилась до наших дней. Я только недавно, после смерти бабушки, жившей в квартире с тайником, смог туда проникнуть и забрать шахматы. Отец же без своих любимых фигур Фаберже быстро потерял интерес к шахматам и перестал участвовать в соревнованиях. А в свое время сам Боголюбов прочил его в гроссмейстеры!

– И что вы хотите с ними сделать?

– Фима, я понял, в чем их ценность. Мне надо передать их подающему надежды шахматисту, и они вернут свою магическую силу. Мои дети шахматами не интересуются. Для них эти фигуры – только антиквариат, который можно выгодно продать. Они не понимают, что шахматы Фаберже – это одновременно и деньги, и счастье, и успех. Только играя на этой доске и этими фигурами, можно добиться и того, и другого, и третьего. Иначе это только антиквариат, то есть деньги. А они, сами понимаете... очень быстро тают.

У Фимы в голове мгновенно сложилась комбинация.

Шахматы надо вывезти за бугор и продать. Но как? Надо рассказать Изминскому, будто бы он, Фима, хочет повторить его семейную историю – купить шахматы для своего внука. Тот станет гроссмейстером и обретет деньги, счастье и успех. Ту же историю о способном внуке, разумеется, не упоминая о Фаберже, Фима продаст ОВИРу, когда он с внуком будет получать визу в Штаты на важный шахматный турнир. Шахматы при этом он оформит как спортивный инвентарь. Фима будет сопровождать внука на турнир в Штаты, а там заглянет на «Кристи» или «Сотбис», и безбедная старость обеспечена.

История прозвучала убедительно. Изминский, практически не торгуясь, благословил Фиму и его внука на деньги, счастье и успех и нехотя расстался с драгоценным чемоданчиком. При этом, когда Фима обернулся, Изминский его украдкой перекрестил.

План у Фимы был грандиозный за одним маленьким исключением – юный Боря Краснов не интересовался шахматами. Фима безуспешно бился с Борей, пытаясь привить тому интерес к городской игре. Его бесполезные усилия продолжались ровно до того момента, пока на Борин день рождения Фима не достал из укромного места потертый чемоданчик с Фаберже и не преподнес драгоценные шахматы внуку в подарок. И Боря, бросив все детские игры, увлекся игрой настолько, что Фима даже водил его на консультацию к профессору Когану в одесскую областную психиатрическую лечебницу.

Всего за несколько лет Боря выиграл практически все соревнования по шахматам, прикрутив к лацкану пиджака серебряный знак «Мастер спорта СССР». Настала очередь большого турнира в Штатах. Фима обо всем договорился с ОВИРОм, получил визы, дал серьезную взятку чиновнику за справку с круглой печатью, подтверждавшую, что набор шахмат «серебряного цвета» это не что иное, как не представляющий исторической ценности спортивный инвентарь, и под марш «Прощание славянки» в обнимку с внуком Борей отбыл с одесского железнодорожного вокзала в Москву. А там их ждал аэропорт Шереметьево-2, многословные таможенники, изящная синяя форма на длинноногих стюардессах компании «Пан Американ», кожаные кресла «Боинга», иностранный журнал с рекламами и заветная «кока-кола» со льдом в пластмассовых стаканчиках и пластиковой тростинкой.

Когда через месяц родственники получили фотографию задумчивого Фимы, сидящего за шахматами Фаберже рядом с веселым Борей, все поняли, что план удался. Для убедительности на фотографии была подпись «Мы в Бруклине. Короли довольны, а кони сыты».

Боря уверенно выиграл соревнование в Штатах, и Фима победил в местный нью-йоркский ОВИР оформлять себя и Борю беженцами с правом получения «Грин-карты».

Переговоры о продаже шахмат были недолгими. Фиме посоветовали обратиться в старейший антикварный магазин на 5-й авеню в Манхэттене, торговавший русским антиквариатом.

Фима, оказавшись в шикарном магазине, привычным оценивающим взглядом скользнул по витринам и остался доволен товаром. К нему вышел очень нарядный, но мутноватый господин в золотых очках и сунул ему в руку визитку.

«Типичный богатый американец», – подумал Фима и достал чемоданчик.

Мутный принял равнодушный вид и выпучил на Фиму холодные рыбы глаза. Затем быстро достал лупу и впился глазами в шахматы.

«Ага, попался», – подумал Фима.

Господин густо, не делая пауз и при этом красиво глотая слова, заговорил по-английски, повторяя:

– Ай эм нот шур, провенанс, проблемс.

– Уважаемый, – повысил тон Фима, – поберегите этот слив «голубого Дуная» для любителей.

И добавил по-английски:

– О'кэй, но проблем, – захлопнув чемоданчик под носом у мутного.

– Ну зачем же вы так? – неожиданно по-русски заговорил господин.

Он быстрым движением достал с полки огромный альбом «Фаберже», полистал его и показал Фиме фотографию его шахмат. Под ней была сумма с нулями.

– Это в долларах? – изумился Фима, умножив эту цифру на четыре по тогдашнему черному советскому курсу.

– В долларах, – усмехнулся господин.

– Но учтите, что любой аукционер, – продолжил он, – заставит вас брать письма о происхождении вещи. Как она к вам попала? Как вы ее вывезли? Потом будет долгая экспертиза. И еще неизвестно, признают ли эксперты вещь настоящей. Затем торги. Потом они заберут у вас двадцать процентов сбора, и вы заплатите Дяде Сэму налоги.

– Чьему дяде? – растерялся Фима.

– Американскому, дорогой товарищ. Поэтому я предлагаю вам вот эту сумму, – и он быстро чиркнул дорогой ручкой пару цифр с нулями, – получите наличными и прямо сейчас.

У числа было меньше нулей, чем на фото в книге, но Фима, опять-таки умножив его на четыре, кивнул мутному, и через десять минут в его руках был чек из знаменитого магазина с водяными знаками и замысловатой подписью.

На эти деньги Фима купил дом в Бруклине, машину и приличный костюм для Бори, который начал готовиться к гроссмейстерскому турниру. В случае выигрыша его ждал очень серьезный денежный приз. Но Боря неожиданно для всех турнир проиграл. Проиграл он и следующий турнир. И еще один. О нем стали забывать. Боря часами сидел у себя в комнате в синих клубах марихуаны и безразлично смотрел на нудный бруклинский пейзаж за окном. Шахматы его окончательно перестали интересовать. Фима даже консультировался у сына того самого профессора Когана из Одессы, который принимал в Бруклине неподалеку от их дома.

Деньги от продажи шахмат быстро таяли. Фима переживал, бился с обстоятельствами, как мог, пытался заработать, и ему в конце концов повезло. Заказывая новые очки в магазине оптики «Жемчужина», Фима обратил внимание на синюю пластиковую коробочку, которую вертел в руках его доктор.

– Что это? – поинтересовался Фима.

Доктор открыл коробочку, в которой плавали две лушпайки.

– Это новое изобретение. Линзы для коррекции зрения. Фирма, выпускающая их, ищет деловых партнеров для организации массовой продажи. Если вас это интересует, я вас порекомендую владельцам фирмы.

Так Фима стал одним из первых в Америке дистрибьюторов линз. Линзы были несовершенные и жесткие, как рыба чешуя, но клиенты обожали это новшество. А кто как не Фима умел работать с клиентами! Он мгновенно продал весь товар и решил вложить все оставшиеся деньги от продажи шахмат в этот бизнес. Фирма взяла его партнером, и он разбогател.

Фима купил квартиру в Манхэттене на Центральном парке в двух кварталах от того самого знаменитого русского антикварного магазина и в один прекрасный день заявился туда.

За прилавком стоял все тот же мутный господин, громко объясняя очередному клиенту про провенанс, проблемс и Дядю Сэма. Увидев Фиму в костюме от «Бриони» и часах «Патек Филип», мутный бросил клиента и подбежал к нему.

– Ищете что-то особенное? – спросил он.

– Да. Хочу выкупить мои шахматы. И, пожалуйста, не трудитесь объяснять, что вам не очень нужны деньги, что вам выгоднее поддержать шахматы у себя подольше, потому что они с каждой минутой растут в цене, и что Дядя Сэм забирает всю прибыль. Я обо всем этом догадываюсь, но такая сумма вас заинтересует? – и он быстро чиркнул несколько цифр на своей визитке. – Позвоните, когда решитесь.

Через несколько дней довольный Фима получил свой заветный чемоданчик с шахматами.

Вскоре после встречи с мутным Фима оформил визу и поехал в родную Одессу. В аэропорту Кеннеди задумчивый Боря Краснов обнял отца в модном спортивном костюме «Серджио Тачини» и с маленьким чемоданчиком в руке, от которого Боря не мог оторвать глаз.

Из Одессы Фима приехал помолодевшим, с черноморским загаром и с массой впечатлений.

За ужином он объявил Боре, что исправил свою старую ошибку.

– Понимаешь, Боря, я просчитался. Ценность шахмат была не в том, что я предполагал. Но они теперь в надежном месте, и все должно наладиться.

Боря побледнел, но перечить отцу не посмел.

Вслед за Фимой и Боря собрался в родной город. Он часто начал туда ездить и даже недорого купил их старую трехкомнатную квартиру в «бельгийском доме» в двух шагах от Дерibasовской. Боря заметно оживился. От его депрессии не осталось и следа. Говорили, что он купил у архитектора Пилявского планы старых одесских зданий и основал реставрационную фирму, которая приносила немалый доход.

Однажды после ужина в ресторане «Чиприани» на 5-й авеню Фима пригласил меня к себе домой на партию преферанса.

– С кем еще в Америке можно расписать пулю, если не со старым другом-одесситом!

Фима поставил на стол бутылку первоклассного «Каберне Франк» и побежал за бокалами, а я прилип к окну, любуясь видом Центрального парка, прохожими и породистыми собаками, гоняющими золотые осенние листья.

Мы сели за старинный ломберный стол.

– Карты? – спросил Фима. – Или, может, сразимся в шахматы?

Он щелкнул крышкой стола и вытащил блестящую доску и два мешочка из «куриной» кожи.

– Те самые? – изумился я.

– Те самые, – невозмутимо ответил Фима.

– Но ты же?..

– Что – я же? Я сказал Боре, что допустил ошибку, и шахматы находятся в надежном месте... А вы что подумали? Или ты, как и мой сын, считал, что я, как полный поц, замуровал шахматы в своей старой одесской квартире?

Фима расхохотался.

– Пусть ищут. Может, что-то и найдут. А может, чему-то и научатся. Научился же Боря деньги зарабатывать на реставрации квартир! Но тебе я скажу по секрету – без цели, таланта и усилий чудеса не происходят. Даже если сам К. Ф. наколдовал!

При этом Фима покосился на свою наколку «К. Ф.».

Кого он имел в виду? Краснова Фиму или Карла Фаберже? Я не решился спросить.

Нью-Йорк

